

В английском языке 42 из 74 лексем зоонимов имеют переносное значение, способное употребляться по отношению к человеку. Однако это ни в коем случае не говорит о бедности английского языка, поскольку некоторые животные, имеющие несколько номинаций в русском языке (*собака, пес, кобель*); в английском представлены одной лексемой *dog*.

Примечательно, что из 42 случаев, только в 14 переносные значения в языках различаются, в 5 случаях семы частично совпадают, что связано, в первую очередь, с тем фактом, что зачастую зоонимы развивают более, чем одно вторичное метафорическое значение. Это объясняется тем, что в основу метафоры могут быть положены разные признаки животного (внешность, особенности поведения или ассоциации, которое это животное вызывает.) Например, *слизняк* в русском языке – *безвольный человек*, а *slug* в английском – *ленивый человек*. В 23 случаях вторичные зооморфные значения совпадают (*свинья, pig – подлый человек, человек с плохими манерами, стервятник, vulture – жестокий человек*).

Зооморфная лексика несет в себе ярко выраженную оценочность. В русском языке 22 % проанализированных лексем содержат положительные коннотации (*газель, голубка*), 10 % – нейтральные (*морж, сова*) и 68 % – отрицательные (*крыса, крокодил*). В английском языке процентное соотношение примерно такое же: на отрицательные коннотации приходится 60 % (*drone, dog*), нейтральные – 22 % (*whale, bull*) положительные – 17 % (*lambkin, lion*).

Стоит отметить, что одни и те же явления окружающей действительности по-разному отражаются в языковой картине мира носителей разных языков, а зооморфная лексика является культурно-специфичной. Таким образом, изучение зооморфных метафор способствует осмыслению национальной самобытности и особенностей менталитета разных народов.

А. А. Романовская

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АНТИЧНОГО СИМВОЛА

Античный символ, используемый в современном художественном тексте, внушает, вызывает определенные представления у получателя (референта), иными словами, выполняет суггестивную функцию. Рассмотрим в плане суггестивности выражения, в которых присутствует символ. Именно наличие символа создает эффект внушения.

Представим Сталина, ... допускающего существование так называемого Демидурга (Ю. Алешковский). Античный *Демидург* символизирует культурное геройство, творчество, созидание, цивилизацию. И если в современном тексте повествователь использует данный античный символ, то можно (на основе суггестивной функции символа) предположить, что речь идет о Божьесоздателе, и тогда становится понятным императив автора представить Сталина, но другого, допускающего существование Бога.

Оставьте в покое свою Мнемозину, милостивый государь (С. Соколов). У одного данная фраза вызовет такие же ассоциации, как и фраза *Оставьте в покое свою Надежду, Анну* и т.д., у другого – вызовет любопытство по

отношению к женщине, которую зовут Мнемозина, у третьего – Мнемозина вызовет ассоциации, связанные с античной мифологией, заставит извлечь из глубин культурной памяти генотип, выражающий имплицитный смысл, находящий свое воплощение в константе «память» (*Мнемозина* – символ памяти).

Наличие символа в высказывании задает эстетический стимул, но это не значит, что он обязательно вызывает эмотивный эффект. Реферативная фраза, отмечает У. Эко, сказанная при определенных обстоятельствах, может приобретать эмотивное значение, а также эмотивное выражение в некоторых ситуациях приобретает значение реферативное. Для нас важным является факт наличия в высказывании античного символа, делающего сообщение суггестивным на основе эмотивности, которая проявляется потому, что знак, используемый как двусмысленный, в то же время воспринимается как отсылка, предполагающая и культурно-мифологическое значение, с которым символ соотносится однозначно, и ряд коннотаций, возникающих на основании функционирования символа в контексте.

Рассмотрим контекст, содержащий перифразу, отсылающую к античному символу. *Я – неволя, недоля и дольная незабудка. Я – любит-не-любит. Я – стертится-слюбится, слюбится-воспарится. И воспарив над юдолью, начнешь препарировать бытие, вычленять из него парную, кровоточащую суть. Не корми ею птиц небесных: те сыты печенью Огнекрада. Но капля по капле, кусок за куском претворяй ее в прозу живую. Терти и трудись* (С. Соколов). Огнекрад вызывает ассоциации, связанные с античной мифологией. Это Прометей. Мифологический Прометей – символ геройства, справедливости, силы, ловкости, храбрости, мудрости, хитрости, цивилизации. Фраза *Птицы сыты печенью Огнекрада* напоминает об орле, который ежедневно выклевывал печень прикованного Прометея. Орел – священная птица Зевса – направляет сознание к генотипу, воплощенному в константе «верх, верховная власть». Тогда смысл, заключенный в контексте, выражает обращенный к писателю призыв – трудиться над познанием жизни и над отражением ее в живой прозе, необходимой людям. Таким образом, данное сообщение (контекст) на основе суггестивной функции символа открыто целому ряду коннотаций, которые выходят за рамки обозначаемого. Различная реферативность выражения заключается не в нем самом, а в его получателе. Добавим, что речь идет в нашем случае о сообщениях, взятых из художественных текстов, то есть заданных автором-писателем (одним человеком). Другими словами, от получателя-интерпретатора зависит, какими путями будет осуществляться продвижение к генотипу, если такое путешествие предполагается вообще. Если символ оживит воспоминания в сознании, то генотипические (имплицитные) смыслы дадут в дискурсе игру коннотаций, которые будут своими, особенными у каждого получателя, но не различными, имеющими пределы, называемые, *полем суггестивности* (У. Эко). Параметры поля обусловлены языковой картиной мира, культурными и психологическими параметрами адресата, особенностями среды его обитания.